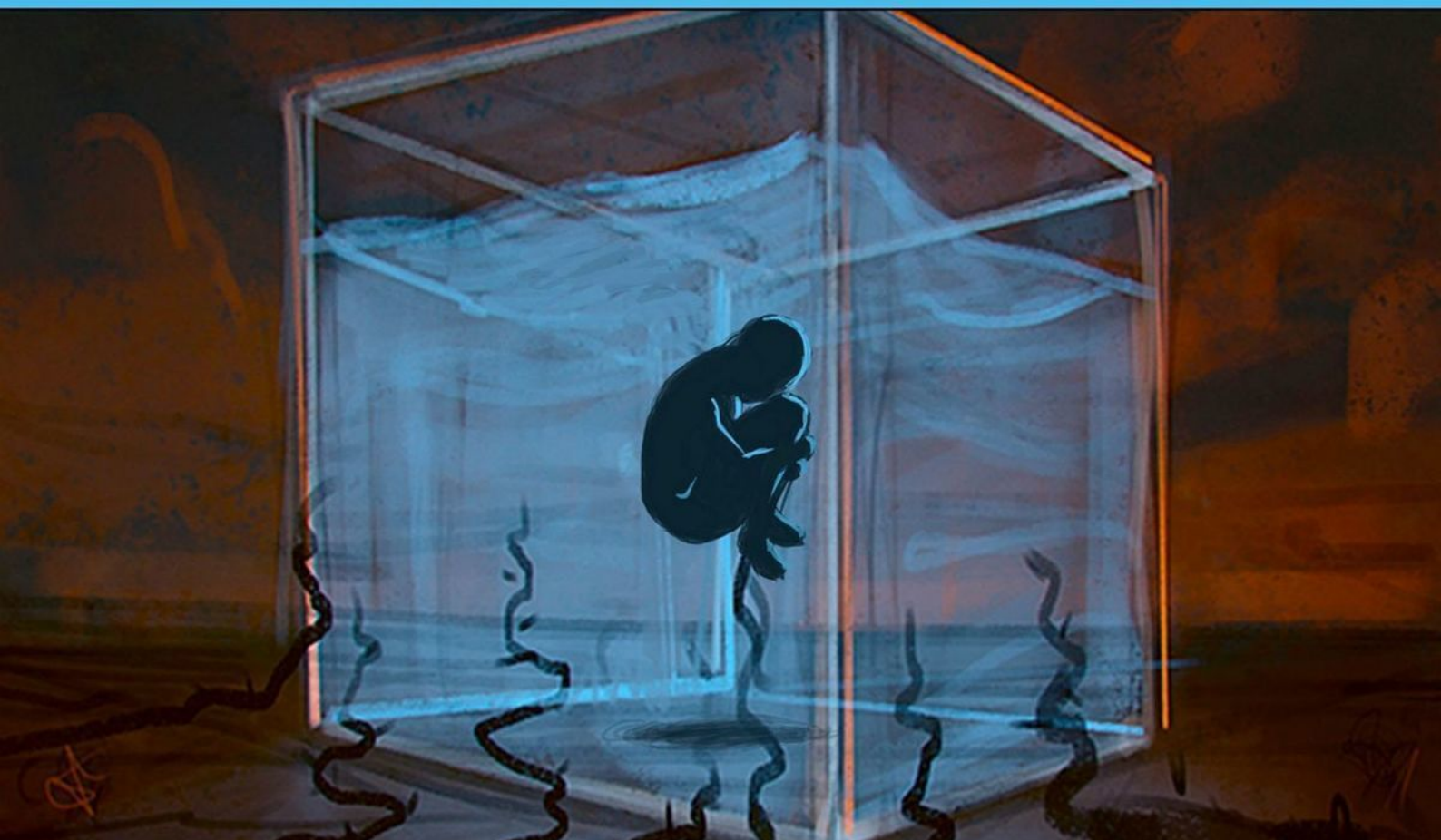

Наталья Волохина

На том берегу

Цикл маленьких рассказов, посвященных
ушедшим и ушедшему

Наталья Волохина

**На том берегу. Цикл маленьких
рассказов, посвященных
ушедшим и ушедшему**

«Издательские решения»

Волохина Н.

На том берегу. Цикл маленьких рассказов, посвященных ушедшим и ушедшему / Н. Волохина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742149-6

Цикл коротких рассказов, посвященных ушедшим друзьям, родным и любимым. Жизнь полна многообразия жанров — от комедии до драмы, а то и трагикомедии. О реальных людях с иронией, состраданием, любовью. Мы все герои одной пьесы. Книга о тех, кто уже отыграл свою роль, с надеждой на встречу на том берегу. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-742149-6

© Волохина Н.
© Издательские решения

Содержание

Гурий	7
8-е Марта	11
Свет земной	13
Глухой?	15
Рыбий глаз	17
Домовой	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

На том берегу

Цикл маленьких рассказов, посвященных ушедшим и ушедшему

Наталья Волохина

© Наталья Волохина, 2018

ISBN 978-5-4474-2149-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Берега, берега, берег этот и тот,
Между ними река – моей жизни...
Между ними река, моей жизни течет,
От рожденья течет и до тризны...
А на том берегу – незабудки цветут
А на том берегу – звезд весенний салют
А на том берегу, мой костер не погас
А на том берегу, было все в первый раз...

(Юрий Рыбчинский)

Куда все уходят, куда?
Бегут, как подземные реки.
А кажется мне и не реки,
Куда все уходят, куда?
Слагают иные союзы
Попутчики славы моей...

Куда все уходят, куда?
Не знаю и думать не буду.
Я знаю, уходят отсюда,
И в сердце навек, навсегда
Бедою открытые двери
Грозой за собой затворив

(Алла Пугачева)

От автора

Я благодарю людей, прошедших через мою жизнь, через моё сердце – друзей, родных, любимых. Живых и ушедших, оставивших неизгладимый след в моей душе. Люблю вас, тоскую о вас, благодарю вас, надеюсь на встречу на том или этом берегу. Простите за все, если можете.

Все имена и фамилии в книге изменены, совпадение с реальными людьми абсолютная случайность, за исключением имен моих близких родственников, которые в силу обстоятельств уже не смогут предъявить мне претензий.

Наталья Волохина

Гурий

Мой дед был младше меня на девять дней. Я родилась первого числа львиного месяца августа, а он десятого. Поэтому, он хоть и считался главой прайда, старшинство получалось моё. Дедушка приходился братом своей жене Дарье Григорьевне – тоже был Григорьевич. Имел Райское происхождение – звался Гурий. Из любимых сказок мне было известно, что Гурии живут в Райских кущах и поскольку они все особы женского пола, получалось, дедушка у них главный. Когда племянница называла его коротко «дядя Гутя», сразу же получала от внучатой Гурии выговор.

Потрясением стала встреча с женщиной – Гурией, тёткиной соседкой, оказавшейся на поверку Бабой Ягой, сидевшей в валенках при тридцатиградусной жаре на завалинке своей развалюхи. Наличие у старухи черной курицы убедило в её ведьмачестве и оправдало отсутствие у избушки ног. Сперла их шустрая квохчущая шельма! Оправившись от испуга, признавать старуху Гурией я категорически отказалась.

Гурий Григорьевич – «белый» брат «красного» командира. Первое надолго определило его на земляные работы, второе спасло жизнь.

Главное! Ни у кого не было такого красивого стеклянного глаза, как у деда. Впрочем, дедом его назвать было трудно, даже в пору моей юности. Когда в воскресный день мы совершали ритуальное шествие по «нашему» маршруту, все незнакомые принимали его за моего отца. Григорьевич в синем габардиновом костюме, голубой рубашке с распахнутым воротом, высокий, благоухающий воскресным одеколоном, ведет за руку маленькую девочку кукольной внешности и размеров. Дюймовочка состоит в основном из пышного платица, полыхающего алыми маками, и красного банта. Дедушка го-о-ордый! Я первая и единственная, пока, внучка, он сам дал мне необычное, звучное имя, каждый выходной гуляет с ребёнком, как молодой папаша. Мы идем по родной улице Горького к знакомому магазину, покупаем две шоколадки «Аленка». Большая пойдет на угощение домашним, а маленькая, размером с ладошку, принадлежит только мне. Фантики со сказочной Аленкой аккуратненько укладывались в жестяную, раскрашенную коробку. Дальше в маршруте место тайное, запрещенное бабушкой страшным заклинанием: «Близко с ребенком не подходить», – уличная пивная. Одноногий стол гораздо выше меня, на уровне глаз только металлические крючки для авосек да дедовы синие брюки и начищенные ботинки. Вокруг дядьки, сдувая пену, пьют пиво, жуют рыбку, блаженно покуряют. Что делает дед мне из-под стола не видно, поэтому на бабушкин вопрос, пил ли он пиво, с чистой совестью отвечаю: «Не знаю». Хотя она и так унюхает «всего одну кружку».

Возможно, профессия наложила отпечаток на дедовский характер, но только утаить выпитую рюмочку дедушка не мог от бабушки никогда, и не только по причине запаха. «Купил разговор!» – немедленно раскрывала она его тайну. «Купи разговор – поговоришь», – советовала язвительно золовке, комментируя её неудачные попытки душевно побеседовать с братом. Но в трудные жизненные моменты именно дедушка говорил, где нужно и кому нужно, веское мужское слово, защищая интересы семьи.

На работе и дома проводил он в одиночестве целые дни в мастерской, напевая за работой. Радио в столярке никогда не было. Чистота, запах дерева, кружева стружек. Вся мебель в дедовском доме сделана его руками. Точеные ноги с фигурой восточной красавицы под огромным, круглым обеденным столом, рюмочки балясин на «последнем этаже» буфета, матовый блеск лака на дверцах шкафа, кожаный корабль дивана, с резной спинкой вместо классической полочки для слоников. «Столяр краснодеревщик» называлась уважительно его профессия, ныне убитая высокотехнологичным ширпотребом.

Пел редко. Играл на гитаре, на балалайке охотнее, но, если случалось ему петь, все замирали. Густой, мощный голос выдавал натуру волевою, чувственную. «Ревела буря, гром гремел, во мраке молнии блистали, и беспрерывно дождь шумел, и вихри в дебрях бушевали» – песня об атамане Ермаке воспринималась бабушкой, как протест всему мироустройству в целом и семейному в частности, она немедленно начинала шикать, что, мол, надо меру знать, пора чай разливать. Бдительность проявлялась уже на подступах к бунту. «Сижу за решеткой в темнице сырой, вскормленный в неволе орел молодой!» – низко, прочувствованно запевал дед. Обычно жена старалась пресечь митинг и перевести мятежника в безопасное русло: «Ой, папка, не надо о грустном, давай твою любимую». Иногда получалось, и «папка» начинал нашу с ним любимую: «Забота наша такая, работа наша простая... И снег, и ветер, и звезд ночной полет...». Довольно долго я пыталась понять, что такое «извѣст ночной полет», придумывая разные варианты, вместо того чтобы спросить, кто он, таинственный «извѣст», делавший загадочной дедовскую песню.

Никогда не слышала, чтобы предки ссорились, просто появлялось какое-то напряжение – бабушкина непривычная молчаливость, дед же всегда был немногословен. Но на семейный уклад размолвки не влияли ни в коем случае. Каждое воскресенье дедушка становился бабушкой. Она не вставала с постели ни свет ни заря, не проводила время до обеда на кухне. Дед надевал коротковатый ему фартук и гремел отчаянно кастрюлями и противнями. В результате «погрома» на круглом, накрытом воскресной скатертью столе, появлялись его коронные блюда: холодец с хреном, рыбный пирог, куриная лапша. Меню страдало одним недостатком – перебором специй: соли и черного перца. Я мужественно – солидарно съедала все, сводя на нет бабушкину критику.

Стирка и глажка. Сам процесс я обычно не заставляла, но дискуссии о его результатах слушала в течение всей следующей недели. Бабушкиной патологией домоводства я страдала лет до тридцати пяти. Стирать, полоскать на два – три раза, отбеливать, крахмалить, подсинивать, утюжить каждую складку строго определенным образом до идеального результата, долго переживая досадные промахи. Однажды, когда Григорьевич был в командировке, помочь вызвалась его племянница, о чем сильно пожалела. Безнадежно «испорченное» бельё Гурий вынужден был по возвращении перестирать и перегладить заново. Стиральные машины появились не очень давно, их результат облегчения физического труда некоторое время рассматривался бабушкой критически, до момента выведения собственной технологии машинной стирки. Тут надо уточнить одну деталь. Довольно молодой еще женщиной бабушка перенесла инсульт и до конца своих дней самостоятельно передвигалась только по дому, с помощью трости, переставляемых табуретов и множества ручек, закрепленных на косяках. При этом много лет идеально вела хозяйство большой семьи. Но сейчас речь о дедушке. У них с бабулей была настоящая семья. Мои родители не смогли повторить и части успеха их тандема. Разве что, дядя немножко приблизился к родительским пережиткам успешного домостроя. Построить дом, добыть продукты, наладить быт – кладовую, погреб, теплый туалет в доме (в те давние времена!), добыть новинки чудо – техники, как только они поступили в продажу (телевизор, радиол, стиральная машина, холодильник, увлажнитель воздуха – в 60-е годы, черт побери!), к Новогодним праздникам перебелить весь дом и украсить потолки нежно голубыми облаками,

а стены модным «накатом» под обои (можно переделать, если жене не понравится), не забыть шампанское...

Долго берегли меня от взрослой жизни, храня семейные тайны. Думаю, это к лучшему, иначе человек лишается незамутненной радости беззаботного детства. Но взросление приходит неумолимо и превращает Деда Мороза в ряженого дядьку с оплаченными подарками. Уже в отроческом, или даже юношеском, возрасте, мне стала очевидной бабушкина ревность, а чуть позже понятна её причина. Впервые она поделилась со мной, как со взрослой, лет в сорок, хотя, наверное, поспешила, а может, я была недоразвитая, но смысл произошедшего уловила не сразу. Сосед – большой начальник Петр Иванович, был на службе, а его супруга – сдобная, изнеженная Людмила Иннокентьевна (за глаза – Людочка), попросила дедушку помочь открыть заклинившую раму. Не было его, со слов бабушки, подозрительно долго, и она пошла к соседям. В дальнейшем эмоциональном словоизлиянии живописалась вся гнусность преступного деяния – созерцание соседкиного шикарного неглиже (пеньюара). Вместо того, чтобы покинуть бесстыдницу, возлежащую в соблазнительной позе на диване, дед продолжал ковыряться с окном. Понятливая подруга разъяснила мне, что раз не уходил – значит, возжелал, изменник! Бабушка-то все экивоками изъяснялась. И уж совсем взрослой я узнала от мамы, что, построив после войны дом, дед ушел к другой женщине, по причине внезапной страстной любви. Бабушка осталась с параличом на нервной почве и двумя маленькими детьми. Дед одумался, хотел вернуться, но куда там, гордость, ревность, обида за предательство не только не отпускали много лет, но и подняли на ноги эту железную женщину. Она согласилась принять мужа только на свадьбе старшего сына, моего отца, и разрешила остаться. Супруги пережили вместе «любовь» родины к ним, деклассированным элементам, страшную войну, голод, дедову дизентерию, общую цингу, бабушкину «куриную слепоту», тяжелую стройку под ссуду! Я никогда не слышала упреков и ссор, но дедовское молчание в ответ на любую бабушкину «правоту» стало мне понятным только после «взросления правдой».

Однажды бабушка еще раз пожаловалась мне на деда, обвинив его в оскорблении, долго не соглашаясь сказать «страшное», очень обидное ругательство. Через несколько лет я все же допытала её, слово оказалось «падлюкой». Вообще, мне неинтересно было жаловаться на деда, я совершенно искренне не верила и не понимала, что к чему. Кроме того, всегда становилась на его защиту, как и он на мою. Я прощала ему не только прегрешения против бабушки, но и по отношению к себе. Раз в месяц проводил он генеральную уборку и тогда, «кто не спрятался, я не виноват». Все, что не там лежало, не являлось вещами их дома, безжалостно отправлялось в мусорку. Жертвами «генералки» стали две пары моих моднейших перчаток, на его же деньги купленных, регулярно забываемых на полке в прихожей. Перчаток было жаль, но как только бабушка начала дедулю распекать, я немедленно перевела все в шутку. На третью пару мне, разумеется, выдали.

Мой сдержанный, молчаливый дед скучал обо мне всегда, а я, подрастая, все реже успевала забегать к старикам. Помню, как он приходил к нам и сидел с мамой на кухне за рюмочкой, говорил свой душевный, «купленный» разговор, потом мы провожали его до такси.

Львы болеют редко, но метко. В нашем прайде всё случилось неожиданно и судьбоносно. Я лежала в больнице, мучаясь страшными болями, борясь с опасной болезнью. Однажды ночью очень уж расшумелись в коридоре, и бессонная я пошла посмотреть, кого там привезли. У деда был постинсультный шок. Он кричал, вскакивал, падал с кровати, ничего не соображал, меня не узнал. У меня тоже был шок. Я не могла поверить, что это с ним, что это он, но не кричала, тихонько плакала в туалете. За ним ухаживали сначала дядя, потом отец. Я пришла в родной дом, непривычно пахнувший лекарствами, болезнью, страхом. Говорили, дед никого не узнает. Вывезли на коляске. Он узнал и заплакал, пытаясь выговорить моё имя. Я держала его за руку и слезы размывали родные черты, так и не утратившие благородной породы.

День, когда он ушел, был страшным. Я думала, что самое жуткое уже пережила на бабушкиных похоронах, ошибалась. Отец спустился в дедовскую мастерскую и сидел, тупо глядя на осиротевшие инструменты. В свое время папа именно там умер – судьба! Хуже стало на кладбище. Невыносимая боль, будто меня по живому распилили надвое и закопали нижнюю половину в сырой яме вместе с дедом. Не было больше ног, опоры, половины души. И еще – пустые отцовские глаза!

Он ушел, оставив меня без защиты и любви, дедушка с небесным именем Гурий, нарекавший меня вдохновительницей, наделивший львиной породой, дедушка, который был младше меня на девять дней.

2015 г.

8-е Марта

Во времена моего детства 8-е марта считался рабочим днем, праздник был – Международный женский день (о чём международное сообщество не догадывалось), а выходного не было. По городам и весям необъятной родины: в детских садах, школах, организациях, предприятиях – везде, строго соблюдался ритуал чествования. Особ женского пола всех возрастов в середине рабочего дня мужская половина коллектива одаривала сувенирами, цветами, песнями. По завершению официальной части школьники отправлялись по домам, трудящиеся к праздничному столу с коллегами. Взрослые после возлияний разбредались кто куда – одни в семью, другие «продолжать» в гостях.

Всю жизнь моя бабушка была домохозяйкой. Совсем не советская профессия, да и праздника «8-е марта» не было в её дореволюционном детстве. Поэтому каждый год, когда молодой дедушка, красавец мужчина, в Женский день, собираясь на работу, особенно тщательно наряжался, а возвращался в подпитии, бабушка возмущалась. Она его и без того ревновала, а тут, совершенно ясно, что наряжался для дам и, официально оправданный, весело проводил с ними время. Подарок ей, разумеется, преподносил, но приглашать на служебные застолья жен было не принято.

Однажды бабуля придумала вот что: «У них на работе праздник, а у меня дома». И 8-го марта пригласила таких же неработающих подружек в гости. Набралось три с половиной человека: тетя Валя, тетя Надя, золовка Фаина и я.

Меня считали за половинку – по росту и возрасту. Не помню, по какой причине в тот день я с удовольствием прогуливала школу. С детства, отличаясь асоциальностью и презрением к формализму, я ненавидела процедуру официального поздравления в классе. Мальчики дарили девочкам, закупленные чьей-то мамой, одинаковые подарки, читали нелепые стихи, учительница торжественно-именинным голосом несла разный вздор, и все чувствовали себя участниками идиотской пьесы. 23-го февраля (День Советской Армии) всё повторялось, только теперь одаривали девочки. Однажды наша «классная», славная, толстая математичка, решила изменить обряд, предложила каждому преподнести, что захочется, но одариваемого выбрали не по желанию, а по жребия (чтобы не обидно было). Дома я спросила папу, что подарить однокласснику (мальчика «вытянула» хорошего, он мне нравился). Отец ответил, не задумываясь, мол, дарить надо самое ценное, что сама хотела бы получить. Подарила любимую книгу – роскошное издание арабских сказок. Одноклассницы и их родители, видимо, имели другое мнение, обошлись расческами, мелкими сувенирами. Короче, я выглядела полной дурой и парня засмущала (сразу зашептались о нашей симпатии). 8-го марта, помня мою неудачную попытку, мальчишки не выделялись – подарили всем зеркальца и прочий сувенирный хлам. На следующий год учительница от своей затеи очеловечивания формальности отказалась.

Тёти пришли нарядные, принесли к столу свои кулинарные шедевры и наливочку. Выпили, закусили, поздравили друг друга. Поздравляли интересно, не то, что в школе. Они

были женщины, пережившие войну, а бабушка и раскулачивание. Поздравляли друг друга с тем, что выжили, сберегли и вырастили детей, вспоминали, плакали, смеялись, всего понемногу. Потом бабушка взяла гитару, заиграла, стали плясать. Запели частушки: «Ах, проклятая война, что наделала она! Позабрала мужиков, не досталось женихов!.. Кому Федя, кому Вася, кому Коля Голышов... кому чо, кому ни чо, кому хрен через плечо!». Валя и Надя выражения в частушках пропускали, заменяли, а Фаину, как известную матерщинницу, бабушка предупредила: «Смотри мне! Ребенок тут!». Файка терпела, как могла: «Оба-оба – зеленая ограда!», «Обана, да обана, вся деревня в елочку». Но где там! То и дело под бабушкино шиканье и общий хохот вырывалось: «Ох, елка стой и березка стой, первый раз вижу я мужика с мандой!». Запыхались, уселись за стол и завели свое, женское: «Что стоишь качаясь, тонкая рябина...». Смахнули слезинки вдовы подружки.

«Отчего такие песни невесёлые в праздник?» – раздалось от порога. Это дед пришел, с первыми весенними цветами, с подарком. Застолье изменилось. Сразу почувствовалось – мужчина рядом. Женщины преобразились, расцвели, защебетали. А он успевал за всеми ухаживать. Потом взял балалайку, кивнул жене: «Давай нашу!». И гитара подхватила перебором знакомую мелодию: «Степь да степь кругом...».

Дедушка проводил женщин. Две жили неподалеку, а Фаину посадил в автобус. Так закончился официальный праздник «8-е марта» для неорганизованных домохозяек.

2015 г.

Свет земной

Неправдоподобно большие снежинки планировали, искрились, переливались в оранжево – желтом свете фонарей, как блески на шубе ватного Деда Мороза. Если смотреть на свет сквозь опущенные инеем ресницы, получалась радуга огней из игрушки «калейдоскоп». Мороз щипал щеки, студил ноги, гнал в тепло, а красота задерживала, и маме приходилось дергать мою руку в варежке. Если б не мама, я, конечно, плелась бы, любуясь кристальными чудесами, пока не занемеют от холода пальцы на руках и ногах, а дома расплавилась за погляд жуткой ломотой в оттаивающих конечностях. Вечная история – красота требует жертв. Взять елочные игрушки. Какими красивыми они были в моем детстве! Но хрупкими! Задел еловую веточку – сказочный заснеженный домик «дзинь» об пол и на ме-е-еленькие кусочки, и слезы. Мама знает, как вдохнуть новую жизнь в порушенную красоту. Нужно завернуть осколки в плотную бумагу, растереть пустой молочной бутылкой и «оп-ля!» – блески как из сугробов на улице, даже лучше. Теперь нужно вырезать из картона корону, оклеить ватой, сверху тоже намазать клеем и посыпать драгоценной стеклянной «пудрой». Сказочно! Как у принцессы, как у Снегурочки. Когда взрослых нет дома, можно надеть мамини туфли на каблуках, корону, бусы с елки и танцевать, петь перед зеркалом. Каблуки мешают и губнушки не хватает, но мама не красится, а туфли можно и скинуть.

Солнечный зайчик из забытого на кровати зеркальца, утренний свет, дробленный на лучи тюлевой занавеской, мерцание голубой звезды, жившей много лет напротив моего окна, завораживали. Часто проверяю, когда улавливаю красоту – засматриваюсь или нет? Да – облегченно вздыхаю, со мной все хорошо. Вечером в зазвездившемся небе первым делом отыскиваю синеглазую подружку, безо всяких оснований, считая её Венерой.

Мерцающий морозный узор на стекле, грубое подражание которому рисуют кругом под Новый год, нужно успеть рассмотреть, пока окна не «заплакали». Потом бабушка выдаст две мягонькие тряпочки, утереть плаксам слезы. Солнце взойдет и окончательно высушит множество оконных глазиков, они заблестят радостно – облегченно, как у деток после прощенных обид.

Свет преломляется в голубых папиных глазах. Уцепившись за его сильную руку, как мартышка за лиану, болтаю в воздухе ногами, разглядывая отражение лучиков. Можно забраться папке на плечи чтобы с верхотуры смотреть сквозь ресницы прямо на заходящее солнце, и глаза зальёт алой краской. Так бывает, если сильно надавить пальцами на опущенные веки и резко отпустить, но это не солнце, а кровь – другое. Багровой стрелой летит в нас закатный свет, когда дядька, крепко удерживая меня перед собой, пускает лошадь в галоп, я ловлю ртом ветер, глазами – мельканье вокруг. Под ложечкой холодок, но не ору, то ли от страха, то ли из упрямства.

С дядей всегда много света и цвета. Капельки воды дрожат на веслах драгоценными бусинами, ослепительный блеск речной глади за кормой лодки. Изумрудно – переливающиеся под ветром и солнцем юные листочки, вдоль дороги. Мы едем в коляске, запряженной рыжей, веселой лошадкой, обдаваемые сквозь лиственное сито светящимся дождем! Ярко – желтые цветы

акции, превращенные дядькой в свистульку. Шок от Врубелевского «Демона». Огромный альбом с репродукциями на коленях девятилетней девочки. Дядя вручил мне его и ушел по своим делам, даже не подозревая, о том, что натворил. Картин были сотни, но запомнился именно Демон. Похоже на удар током (к тому времени опыт имелся). От опасного электричества тоже есть свет – искры, но дело может кончиться слезами. Дергаю за шнур утюга (не за вилку, как было велено) и вижу веер искр. Удар, ожег, вопль, распухшая синяя ладошка, испуганные тетянины глаза, голубые, как у отца. Искры случались из глаз. Врезалась переносицей в жесткий угол холодильника, похоже на бенгальский огонь, от удивления даже боль сначала не почувствовала.

В лесу никто не мешает разглядывать свет. Солнечный луч пробивается сквозь плотные кроны деревьев, в нем медленно плавают пылинки. В тени их нет, они все слетаются к лучикам, а говорят, что только растения тянутся к свету. Рано утром, в пионерском лагере, можно отойти на несколько шагов в сторонку от домика и, присев на корточки, замереть перед капелькой на земляничном листочке, пока, разбуженное горнистом множество ног, не разрушит хрупкую красоту. Днем горн ослепительно сияет в пионерской комнате, вечером магнитит возбуждающий фейерверк искр от костра, прожигая майку и шорты. Если подержать прутик в огне, можно раскаленным кончиком рисовать мерцающие магические знаки в воздухе.

Когда-нибудь я увижу другой свет, а пока мои земные глаза радуется свет земной, даря безвозмездно счастье – ВИДЕТЬ!

2015 г.

Глухой?

Я жалела бы любимого дядю за глухоту, если бы могла представить, как это – не слышать. Жалко мне стало его, когда я услышала нечаянно, как он поет.

Во время семейного пения, после ужина, на праздничных застольях, он молчал. Музыкальное семейство никогда не заостряло на этом внимания. Он читал по губам, а если стоял спиной, окликали громче, легонько касались плеча. Все было естественно, и я долго не понимала, что дядя плохо слышит. На своей половине к домашнему телефону приладил световой сигнал, я решила – для красоты. По утрам, если дядечка не приходил к завтраку, бабушка, боясь, что сын опоздает на работу, посылала будить. На предложение позвонить, отшучивалась: «Дядька твой спит, как медведь в берлоге, из пушки не разбудишь, не то что телефонным звонком».

Наше притяжение было взаимным, и, если рядом не шляется злой петух, а огромный волкодав был надежно заперт, я ускользала на другую половину при первой возможности. Услышав из-за двери странные, похожие на плач, звуки, замерла и, решив, что дяде плохо, ринулась спасать. Он не плакал, он... пел, завывая громко, как все глухие, да еще пытался себе аккомпанировать на отцовской гитаре. Пел ужасно фальшиво и так вдохновенно – яростно, что вены вздулись на шее и на лбу. Я не узнала ни мелодии, ни даже слов, наверное, от шока. Не помню, сколько длился столбняк, но самое страшное случилось, когда он меня увидел. Его шок был не меньше моего. Воцарилось молчание. Встретились два взгляда: мужской – полный муки, стыда и детский – изумленный, страдающий. Я мгновенно поняла, что значит – «он глухой». Невыносимая жалость стиснула детское сердечко, слезы хлынули градом, дядя очнулся, прижал меня к себе и молча поглаживал по голове. Ни слова не было сказано, он простил мне жалость так же легко, как я прощала детские обиды. Тот случай сблизил нас еще больше. Конечно, я никому не рассказала, даже любимой бабушке. Со временем поняла, как она оберегала сына, приучив всех домашних, ничем не привлекать внимания к его недостатку.

Я выросла бы другой, если бы природа не наделила меня слухом и голосом. Пение настолько естественно участвовало в познании мира и выражении чувств, сотворении жизни, что я не могла представить, как можно по-другому. Мамино пение и легкое похлопывание при укачивании – покой, тепло, сонливая истома. Бабушкины песни за работой, задорные отцовские песенки, чтобы уйти от щекотливых материнских расспросов, мощный дедовский бас, передающий душевные волнения нашего молчуна, озорные частушки двоюродной тетки на семейном празднике – из пения складывалась жизнь. Все можно пропеть, поправить, выплеснуть, изменить через песню. Потому и было невыразимо жаль моего глухого родного человека.

По вечерам, после ужина, играли в лото, карты, домино и, конечно, пели. Дедушка играл на балалайке, бабушка на гитаре. В молодости они выступали в любительском оркестре народных инструментов. Красавец отец разбил не одно женское сердце своим пением под гитару. Едва я подросла, стала петь во время игр, за работой, за столом вместе со всеми. Бабушка

вздыхала: «Смотри, певунья, пропойшь своё счастье!». Частушка, городской и классический романс, народные песни – все вошло, вросло, стало частью меня. Когда появились проигрыватели, телевизоры, бабушка, страстная любительница технических новинок, немедленно завела их у себя. И тогда полилось: Шульженко, Бернес, Трошин, Пьеха, Кристалинская, Воронеж, Зыкина. Я, думаю, не смогла бы воспринимать классическую музыку так остро, если бы не музыка из бабушкиного дома. Классику слушала мама, детдомовская девчонка, замороженная чудесными, необыкновенными звуками. Но и её восприятие музыки выросло из народной песни. Она пела русские и украинские, родные для неё, песни. С трагическим сюжетом, протяжные, трогательные, красивые. Как бы она ещё выжила в жуткое, военное, детдомовское время?

Когда в мою жизнь вошли Окуджава, Высоцкий, я поразились соединению мелодики слова и музыкального звука, как немногим раньше слилась для меня проза Паустовского с музыкой Грига, Моцарта. Пробуя новый синтезированный продукт на слух, на совпадение с внутренним ритмом, обнаружила, что они управляют мной, я ими, а вместе мы управляем слушателем. Невероятная возможность, как при пении, передать страсть, боль, нежность, с помощью речи и музыки, увеличить «температуру» чувств, усилить остроту восприятия. Чтение стихов Лорки в сопровождении музыки Сеговии производили невероятное, гипнотическое действие даже на людей «глухих» к музыке и поэзии. Не столько смысл, сколько энергетический эффект действия, создавал необычайный душевный подъем, который многие запомнили на всю жизнь. Часто люди узнавали мой голос, услышанный при исполнении стихов Лорки, спустя много лет. Позже силу воздействия речевого магнетизма я наблюдала во время своих психотерапевтических сеансов, консультаций. Донести до человека главное с помощью мелодики слова, его энергетики – самое действенное.

По-прежнему удивляюсь, отчего люди не лечат себя таким простым способом, как пение, музыка. Все плохое и хорошее можно пропеть. Ненужное уходит, лучшее прорастает. Тяжело на душе, запою протяженько, из самого нутра: «Ой, ты степь широко-о-окая...» или «Среди долины ровныя», глядишь, полегчало. Устала душой и телом, Моцарт вернет силы, наполнит, с ним всегда хорошо, как дома, у мамы. Застряла, не двигаюсь вперед, Бетховен. Задающие вопрос о любимой музыке, вынуждают признать мою «всеядность». Что делать, если я и рок, и рок-н-ролл, и хоровое пение, и много еще чего люблю. Музыка, как жизнь, разная, она и есть жизнь. Дар Божий!

Помню, танец с моим постаревшим дядей. Он вел, идеально чувствуя ритм. Глухие слышат всем телом, всем своим существом, всей душой. Там, где он сейчас внимает музыке сфер, душа – идеальный орган слуха, надеюсь, что в следующей жизни Господь вернет ему земной слух.

2015 г.

Рыбий глаз

Она мне сразу не понравилась. Я ей тоже. Хотя все время улыбалась мне и сюсюкала – дура! В семье никому из пятерых взрослых в голову не приходило принимать единственного ребенка за недоразвитую куклу. В прайде растили будущую львицу. ОНА была лживой, искусственной, принаряженной деревенской девицей. Выделялись большие, голубые, водянистые, рыбы глаза. Остальное – ничего особенного. Квартирантка, одна из трех девочек, снимавших комнату в большом дедовском доме.

Как, чем она его взяла, моего молоденького, породисто-красивого, робкого, замкнутого, глухого дядю? Сначала дядька воспринимал «их», как и все домашние, целиком – девушки-постоялицы. Она и не выделялась особо. Наверное, рискнула невинностью с сыном хозяина, а он, порядочный, в свою очередь, лишенный ею невинности, женился. Девушки за ним ухлестывали и до неё, значит, не единственный шанс. Сначала, в квартирантках, она играла роль бесхитростной простушки. Помалкивала, улыбалась деланно скромной улыбкой, только глазищи выдавали скрываемый темперамент. Как все в доме, никогда не повышала голоса, если дядя не услышал, старалась говорить, чтобы видел губы, прикасалась, окликая. Истеричный хохлацкий, заполошный, визгливый голос прорезался вскоре после свадьбы.

Я стала её главным, тайным врагом. Опасная, наблюдательная, любящая и любимая соперница. У меня не находилось взрослых оправдалок для неё: простая девочка из большой сельской семьи (шесть сестер и брат), ничего, что без профессии, зато работающая, выучится, главное, любит его, раз за глухого пошла. Я точно знала – она его не любит, чувствовала, как все дети и животные. Ей нравилась роль хозяйки на их половине (в деревне на всю ораву две комнаты). «Рыба» подавляла в себе желание вышвырнуть «живой укор», чувствуя, что я – единственный человек, из-за которого дядя готов был на любые жесткие поступки. Оставалось молча ревновать и ненавидеть.

Когда впервые раздался её истошный крик, мы с бабушкой решили – что-то случилось. Дома кроме нас – никого. Бабушке не добежать, метнулась я. Слов не разобрать, сплошной поток, выпученные рыбы, невменяемые её глаза, растерянные дядины, испуганные мои. Поначалу скромная девушка оправдывалась – он плохо слышит. Потом пошли обвинения – от него слова не добьёшься, что ни говори, только улыбается. Дальше – больше, что ни делает дурак, все он делает не так. С возрастом я поняла, почему он её нервировал, злил. В нелюбимом мужчине раздражает абсолютно все, что и как бы он ни делал. Поступки, голос, походка, короче, хоть яйца вызолоти и на пуанты поставь, все равно бесит. В детстве её нелюбовь интуитивно воспринималась, как направленное против родного человека зло. Вот она улыбается, говорит что-то сестре, спокойная, миловидная и вдруг меняется в лице, голос приобретает режущий металлический оттенок, становится громче, лицо словно залили гипсом, жесткая презрительная маска – муж пришел.

Он стал выпивать. Понемножку, больше, сильно, снова меньше. Но голос никогда не повышал, даже пьяным. В основном молчал, как отец. Спокойная ровность бесила жену

хуже любых пререканий. Однажды дооралась до нервного тика, а потом один глаз безобразно выпучился, как удохлой рыбы – что-то случилось с лицевым нервом. Прошло, но не впрок. Старалась задушить любую радость, каждую улыбку на дядином лице. Вот мы сидим во дворе их дома, на поваленном дереве и возбужденно ждем теткиного возвращения. У нас лица людей, приготовивших сюрприз. Она просекла все от ворот, скорчила недовольную мину. Взахлеб рассказываю, как нашли под нашим деревом огромную семью шампиньонов, уже нажарили с картошкой (её любимое блюдо), завернули сковороду в одеяло, чтобы не остыла.

– Сыта я, у мамы ела. Лучше бы перепилил дерево на дрова для бани, – выговорила она четко, чтобы муж прочитал по губам. И ушла удовлетворенная в дом.

– Там же грибница, под деревом, – растерянно, жалко говорю ей вслед.

Дерево дядя распилил в тот же день.

Вот он показывает мне новорожденного теленочка, специально отвез в деревенский коровник. Малыш нежно трогает губами мою руку. Опускаю её в ведро с молоком, коровёнок сует туда кудрявую, лобастую голову, удивительно быстро выпивает все до дна, облизывает мою ладошку. Язык неожиданно жесткий и шершавый. Щекотно и страшновато. Дядя смеется вместе со мной, показывает подошедшей тетке звездочку на лбу теленка. Она улыбнулась, но заметив радость в мужниных глазах, поджала губы: «Ничего особенного! Пятно, как пятно». И так много лет.

Все же однажды она его достала. Я пришла к ним в гости, в новый, выстроенный дядей дом, и с порога наткнулась на жалобную тираду:

– Вот, полюбуйся, что твой любимый дядечка устроил! Ты всегда на его стороне. Конечно, кто я вам – чужая, а он всегда хороший.

Посмотреть было на что. Дверь на другую половину дома заколочена гвоздями с огромными шляпками, да еще крест – накрест двумя толстенными досками.

– Отделился от меня. Бзик у ненормального. Вчера разговаривали, он ни с того ни с сего, соскочил и давай дверь заколачивать. Велел тут жить и на его половину – ни ногой.

– А как же он входит в дом, там ведь нет второго выхода?

– Через окно твой сумасшедший дядечка ходит.

– Да, за столько лет ты все же его достала!..

– А-а-а, я так и знала!..

Дальнейший монолог бедной украинской девушки ясен, в переводе не нуждается.

Двух детей родили они. Мальчика, копию дяди и девочку – копию тети. Но характер у обоих детей вышел отцовский. Душевная уравновешенность, чуткость, внешнее спокойствие, одаренность в разных ремеслах, жизнерадостность, доброта, исключительная порядочность, интеллигентность. На мою вахту защитницы позже заступила его дочь. Именно она, став взрослой, замужней женщиной, решительно собрала отцовские вещи после очередной материнской истерики и перевезла его к себе.

Он привык работать, обеспечивать, мастерить, строить. В новой перестроечной жизни, даже в своем возрасте хотел чего-то добиться, не быть дочери обузой. Снял в аренду какие-то помещения, ремонтировал, оборудовал вместе с сыном. В тот день остался ночевать на объекте. Беда подкралась, как тать в ночи, окружила огненным кольцом, заперла плотно окна и двери между ним и жизнью, как он когда-то закрыл дверь между собой и нелюбовью... Бог спас его сына, случайно не оставшегося с отцом в ту ночь, сероглазого, широкоплечего, высокого, молчаливого мужчину, женатого по большой любви на не любившей его женщине.

Жену дядину звали Тать-яна.

Я узнала не сразу. Моя крестная, заливаясь слезами, вспоминала, каким он пришел на похороны брата. Непривычно худой, с длинными, абсолютно седыми, когда-то черными как смоль, волосами. Казался беззубым из-за худых ввалившихся щек. Родственники с трудом признали в нем его самого. Будто злой волшебник выпил все жизненные соки из цветущего, кра-

сивого человека. А ведь он был младше моего отца. Она говорила, а я вспоминала его совсем другим. Узорчатая беседка, сотворенная дядиными руками, пронизана июльским солнцем. Он смеется, протягивает мне арбуз, откидывает со лба прядь черных волос. Коричневый ослик ходит по кругу, месит глину с соломой, дядя берет сырой комочек и лепит из него фигурку точно такого же ослика. Тетка хмурит брови. Или жмурится на солнце?

Я встретила её случайно. Она по – прежнему служила в каком-то гос. учреждении. Между нами ничего не изменилось. Не исчезли ни её ревность, ни страх, что вижу рыбу насквозь.

– Хорошо выглядишь, даже слишком, для своих лет. А дядечка твой любимый умер, – мстительно добавила она, зыркнув рыбьим глазом – попала ли в цель.

Она улыбалась, совсем как в далеком моем детстве, но теперь уже откровенно цинично. Стрелы ненависти часто попадают в цель, как и стрелы Амура. Принято считать, будто у рыб холодная кровь. Думаю, напрасно. Может, они просто способны только на ненависть, а она не менее жгучее чувство, чем любовь. И в огне нелюбви можно сгореть, как в любовном пламени.

2015 г.

Домовой

Однажды, когда моя бабушка был еще только мамой, она сидела за печкой в доме мужевой тетки и баюкала младшего сына. Бывает, пока ляльку качаешь, сама задремлешь, и не то сон, не то явь – морок. Морок и случился. Что-то мягкое коснулось ноги, думала кошка, хотела прогнать, да «кыш» в горле застрял. На ноге у неё сидело маленькое, мохнатое существо и молча смотрело прямо в глаза. Хотела перекреститься, да руки дитем заняты, собралась помолиться или «почурать»: «Чур, меня!», – но губы сами выговорили неизвестно откуда пришедшее: «К худу или к добру?». «И к худу, и к добру», – ответил домовой и сгинул. Так и сбылось. К добру – достроились скоро, новоселье отпраздновали, а к худу – дед из дому ушел к любовнице и бабушку хватил паралич.

Арина, та самая дедова тетка, говорила, что её домовой буйный, как она сама. Действительно, боевая была бабка. Прожила до ста лет, ни дня из которых нигде не работала.

– Ты, баба Оря, кем работала? – спрашивал шустрый правнук Колька.

– Зачем меня срамишь? Что бы я у кого-то служила?!

Советский Колька не понимал, что значит «служила» и как можно не работать.

– А что ж ты делала? – недоумевал он.

– Что женщине положено – домом, детьми занималась.

– А деньги где брала? – продолжал напирать правнук.

– Муж для чего нужен? Семейю содержать.

– А он кем работал?

– Так – писаришка пиздяной.

– Это что за профессия такая? – пропускал Колек мимо ушей бранное слово.

– Бухгалтер значит. Бухгалтером главным служил в конторе зернозаготовительной.

Про мужа лучше было не спрашивать. Арина серчала и крепких словечек для «этого сучёнка из подворотни» не жалела. Сестры Анна и Арина были девицы происхождения опасного, но благодаря сообразительности, а главное, красоте, вышли замуж удачно и дальше Казахстана их не выслали, живы остались. Имелся, правда, у Ариши маленький недостаток, один глаз слегка косил, но поклонники находили особый шарм в ведьмаческой косине. Главный бухгалтер, не помню, на каком году их длительного брака, устав, не то от буйного нрава жены, не то от её многочисленных поклонников, ушел к тихой кассирше – толстой, мягкой и уютной. Прощения отныне, присно и во веки веков он от Арины не получил. Случилось, что кассирша умерла, и немолодой дядька тоже преставился, а хоронить некому. Пришли к Бабе Оре.

– Везите, – решительно сказала она.

Пришедшие проститься дети и внуки, обмерли. Писаришка был обряжен мстительной супругой в старые, пузырившиеся на коленках тренировочные штаны, застиранную клетчатую рубаху и домашние стоптанные тапочки. Никакими силами не смогли уговорить её переодеть мужа. Когда катафалк медленно и чинно тронулся с места, бабушка решительно потребовала у ошарашенного шофера: «Быстрее давай! Так скоро, как можешь». Не менее изумленные

гаишники не тормознули ритуальную машину, и последний путь покойник проделал с ветерком, только вывалился разок, а так ничего – живенько. Живенько и закопали, так, что никто не заплакать, не горсть земли бросить на могилу не успел.

Дома ждал традиционный поминальный стол. Смущенные родственники молча выпивали и закусывали, думая, как бы потихоньку испариться. Но потихоньку не получилось. После третьей рюмки Арина приказала приглашенному гармонисту играть, а всем петь, и первая запела. Народ засмущался, но подхватил. На этом пункте план мести полностью исполнился, но помилование изменнику не было даровано до конца её дней. Как до конца дней пила она свою наливочку, сама справлялась по хозяйству. Вскрытие показало, что легкие её давно разложились, и совершенно непонятно, чем она дышала столько времени, почему ни разу не кашлянула и не пожаловалась на боль или недомогание. И какой после этого мог быть домовый в доме бабушки Ори, и что хорошего можно было ждать от его предсказаний?

В доме моей бабушки Даши «хозяин» был нравом в хозяйку – обстоятельный, спокойный. Без нужды не беспокоил, за всем присматривал.

Дом отчима помнил много страшного, хранил семейные тайны, приоткрывая неожиданно, через разные знаки, маленькую щелочку в прошлое или будущее. Домовой был старый, задерганный. К посторонним относился недоверчиво, иногда предвзято. Помнил, наверное, ночной визит непрошенных гостей, когда уводили ни в чем неповинного старшего хозяина. Тот служил управляющим государственного банка, соответственно должности – коммунист. Служащая одна, молодая девица, вступила с кем-то в случайную связь до замужества и забеременела. «Связной» жениться не пожелал, и она свела счеты с молодой, незадавшейся жизнью. Всё бы ничего, но была она комсомолкой, и деду, как старшему партийному товарищу, вменялось следить за её моральным обликом, соответственно, за интимными отношениями. Умер от сердечного приступа в тюрьме. Всё, как у всех. А у бабушки на руках три студента – отчим, его старший брат и младшая сестра. Пока оставалось что продать, справлялась, потом устроилась работать на мясокомбинат и выносила под одеждой мясо. Продавала, деньги посылала детям, сама голодала. Умерла от «заворота кишок», наевшись после долгой голодухи жареного, краденого ливера.

Недоверчивость духа иногда была чрезмерной и доставляла море хлопот. Как – то раз осталась у нас ночевать двоюродная сестра отчима, Надежда. Спать легла со мной, в проходной комнате. Едва заснули, раздался Надин заполошный крик. Прибежали родители, свет включили. На все вопросы отвечала одно:

– Душит, душит!

Кое-как уgomонилась, но только погасили свет, снова завопила:

– Рядом садится, задушит.

Так повторялось несколько раз. Наконец, и я его увидела. Он действительно присаживался на край нашей постели и нависал над Надеждой. Отец, чтобы успокоить сестренку, спросил меня, вижу ли я кого-нибудь. Не знаю, поверил он мне или решил, что я поверила в страхи тетки, только собрался и отправился пешком, ночью, провожать её до дома. Некоторое время у впечатлительной Надежды были расстроены нервы, за проделки нашего домового отдувался её ни в чем не повинный кот, неосторожно сверкнувший из темноты зеленым глазом.

Смерть «хозяин» хорошо чувствовал. Никогда не боялась оставаться одна в огромном доме, но однажды летом сильно он меня испугал. Случилось наводнение, вода стояла поверх пола. Я была у дедов, родители у кого-то из знакомых. В один из летних дней неясная тревога погнала домой, несмотря на бабушкины уговоры остаться. Я знала – все на работе, но что-то упорно толкало к пустому дому. Ключа почему-то на обычном месте не оказалось, на двери висел знакомый замок. Все было ясно заранее. Не могу объяснить, зачем я стала заглядывать в окна, может, убедиться, что вода сошла. Почему-то стало страшно. Я не боялась увидеть кого-то или что-то в запертом доме, но необъяснимый страх обжигал горло и сжимал тело.

Вода сошла, все было на местах, как обычно, только, в той самой, проходной комнате, стоял незнакомый красный ящик, вернее два, один посредине, другой у стены, на попа. Ужас облепил меня липкой, холодной глиной. Хотя, что испугало, понять и потом объяснить бабушке не могла. Отпрянула, решив, что обман зрения, переборов себя, заглянула еще раз. Ящики были на месте. Так быстро я не бегала даже в «казаках – разбойниках». Все разъяснилось через день, когда пришла мама. Черная, осунувшаяся, качалась тихонько из стороны в сторону и подвывала неожиданно низким голосом. Спустя некоторое время смогла выговорить страшное – мой младший брат, простудившись во время наводнения, умер от пневмонии. Это были первые похороны в моей жизни. Тогда и узнала, что красные ящики – гроб и его крышка. Стояли они там, где я их увидела через окно. Но в ТОТ день мой братик был еще жив!

В маму домовой, как и отчим, влюбился с первого взгляда. Когда муж уходил на дежурство, нахально укладываться к жене в постель. Она просыпалась от лохматого прикосновения или утром изумленно обнаруживала себя без нижнего белья. За мной присматривал по-родственному. Будил постукиванием или маминым голосом, если пора в школу или на молочную кухню за кефиром для сестры. Оберегал нас от лихих людей, бродивших возле дома в ночи. Был случай, не дал маме закрыть ставни – «забыла». А ночью, услышав, что кто-то ходит под окнами, включила свет. Стало видно – в доме шаром покати, на кровати, как на ладони, женщина с тремя ребятишками. Ушли.

Семья переехала в новую квартиру, домового взяли с собой. Он поселился под маминой кроватью, где тихонько постукивал, как наш дед в столярке. Привычно будил меня вовремя. Если что-то не нравилось в доме, грохотал на кухне сковородками и кастрюлями так, что иногда приходилось проверять – не забрался ли кто. Еще пару раз он переезжал с мамой, а потом исчез, видно, у них тоже есть свой срок службы. Может, на пенсию вышел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.